

ББК 60.561.7

Е.Н. Дронова, Ю.Е. Растов

Синтагма исследований суицидального поведения

E.N. Dronova, Yu.E. Rastov

Syntagma Study of Suicidal Behaviour

Показана ограниченность узконаправленного и междисциплинарного анализа суицидального поведения, охарактеризованы сущность и базисные компоненты мультидисциплинарной парадигмы (синтагмы) суицидологии.

Ключевые слова: суицидальное поведение, концепции суицида, парадигма, синтагма, суицидология.

В последнее десятилетие, согласно официальной статистике, ежегодно кончают жизнь самоубийством более миллиона человек. По прогнозам ученых, к 2020 г. смертность от суицида в мире займет второе место в списке причин смертности после сосудистых заболеваний [1, с. 8].

Масштабы распространения суицидального поведения в современной России сравнимы с эпидемией. Если установленный Всемирной организацией здравоохранения эпидемический порог составляет 9 самоубийств в год на 100 тыс. человек, то в России он превышает 20 человек в год на 100 тыс. населения, а по некоторым социальным группам россиян колеблется от 30 до 40 человек на 100 тыс. населения.

Исследователи, взявшиеся за выяснение причин роста суицидов и поиск путей минимизации самоубийств, сталкиваются с разнообразием и противоречивостью исходных теоретико-методологических установок.

Первая из них, пожалуй, самая распространена — психопатологическая, согласно которой существуют психически больные люди, нуждающиеся в психиатрическом, в том числе медикаментозном, лечении [2, с. 144]. Понимание суицидального поведения как одного из важнейших следствий психопатии присуще многим психологам, психиатрам, невропатологам, эндокринологам, фармакологам, правоведам, криминологам, журналистам и общественному мнению. Такая оценка суицида не лишена некоторого основания, но в общем и целом она несостоятельна, во-первых, потому, что статистически достоверной корреляции между психическими болезнями и формами суицидального поведения не установлено, а, во-вторых, очевидны многочисленные случаи самоубийств психически здоровых людей.

Вторая (по счету, но не по значимости) концепция разработана З. Фрейдом, считающим суицид следствием внутриличностных конфликтов, законо-

The paper shows the limitations of narrow and interdisciplinary analysis of suicidal behaviour, describes the essence and basic components of the multi-disciplinary paradigm (syntagma) of the suicidology.

Key words: suicidal behavior, the concept of suicide, paradigm, suicidal behavior, the concept of suicide, syntagma, suicidology.

мерно переживаемых всеми людьми с нормальной психикой. Он различал три ипостаси (уровня) личности: «Оно» (Id), «Я» (Ego) и «Сверх-Я» (Super-Ego). Первым термином З. Фрейд обозначил комплекс биологических потребностей и стремлений к их удовлетворению. В структуру «Оно» он включал два базовых инстинкта — Эрос (инстинкт к сохранению и продлению жизни) и Танатос (инстинкт смерти). «Я», по З. Фрейду, суть сознание человека, формирующееся в процессе взаимодействия с окружающим миром, способное рационально согласовывать потребности и возможности, желаемое и целесообразное, стремление к жизни и стремление к смерти. «Сверх-Я» — внешний уровень личности, совесть человека, нравственные нормы его поведения. Три структуры личности могут проявляться в гармонии, нередко противодействуют друг другу, ставя человека перед необходимостью их согласования. Если человек не способен решить эту задачу, если его сознание и совесть оказывают предпочтение Танатосу, то возникает опасность его агрессии, направленной либо на других, либо на себя [3].

Эти идеи развиты многочисленными последователями и оппонентами З. Фрейда, создавшими свои концепции суицида. Соглашаясь со своим учителем, А. Адлер полагал, что суицид — вероятный результат внутриличностных конфликтов, но таких, в процессе которых человеку не удалось преодолеть чувство неполноценности по отношению к близким и дальним людям. «Существует тип людей, которым человечество и все его проблемы кажутся чужими и далекими. Слишком много занимаясь собой и стремясь к личной власти, но находясь все же в определенной зависимости от людей, они считают их чаще всего своими личными врагами, желающими им только худого. Не веря в свою победу и еще с большим страхом ожидая собственного поражения, они в конце концов оказываются в таком положении, что из-за непомер-

но выросшего тщеславия не видят и не могут избежать грядущих поражений...» [4, с. 138]. Это чувство и есть, согласно А. Адлеру, первопричина как агрессии, так и аутоагрессии, как убийств себе подобных, так и самоубийств. К. Хорни [5] рассматривает суицид в контексте не только внутрличностных, но и межличностных конфликтов, характеризует его производным от ранее подавленного желания убить другого человека, а также как своеобразный способ мести другим людям.

Э. Фромм считает суицидальное поведение формой некрофилии, противостоящей биофилии. Некрофилия — «страстное влечение ко всему мертвому, разлагающемуся, гниющему, нездоровому. Это страсть делать живое неживым, разрушать во имя одного лишь разрушения...». «Биофилия — это страстная любовь к жизни, ко всему живому. Биофилия понимается как биологически нормальный импульс, а некрофилия — как психопатологическое явление» [6, с. 75; 6, с. 103]. Э. Фромм, с одной стороны, разделяет патопсихологическую версию трактовок суицида и пытается дать ей дополнительную аргументацию, а с другой — усматривает причины психопатологий не только и даже не столько внутри личности, сколько в общественных условиях ее формирования, развития и функционирования.

Логотерапевты (М. Аронс, Р. Ассаджолли, Р. Мэй, К. Роджерс, Дж. Ричлак, В. Франкл и др.) объясняют суициды потерей людьми смысла своей жизни или осознанием ими невозможности реализовать свои смысложизненные интересы. При этом между разными версиями логотерапевтического теоретизирования имеются сущностные отличия, связанные с оценкой функций сознания и с разнотолкованием функций разума (функций сознания), его духовных ценностей и сугубо эмоциональных феноменов (типа неогенных неврозов) в экзистенциональном крушении личности. Теоретические рассуждения каждого логотерапевта, например В. Франкла [7], пытающегося совместить взаимоисключающие положения об опасности утери смысла жизни и отсутствии обстоятельств и ситуаций, при которых жизнь потеряла бы смысл, не лишены противоречий.

Правоведы и криминологи рассматривают суицид в контексте общественно опасных деяний, неоднозначно оценивая суицидальное поведение в разных обществах. Например, в Древней Греции были нормы, разрешающие самоубийство: без осуждения и наказания его мог совершить приговоренный к смерти. В Римской империи существовал закон, согласно которому, если раб покончил жизнь самоубийством в течение шести месяцев с момента заключения сделки, то продавец обязан был вернуть деньги за некачественный товар. В царской России самоубийство считалось уголовным преступлением. В Военном артикуле Петра I [8] было предусмотрено следующее

наказание: мертвое тело волочили по улицам, привязав к лошади, подвешивали за ноги, чтобы другие не чинили беззакония. В настоящее время в российском законодательстве не установлено наказание за попытку суицида и завершённый суицид, но закреплена уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство (ст. 110 УК РФ). Общественная опасность суицидального поведения проявляется в таких последствиях, как глубокая душевная и/или физическая травма, невозполнимость утраченной жизни. Суициденты с точки зрения современного права оцениваются как жертвы насилия.

Социологи анализируют суицидальное поведение в тесной связи с уровнем социализированности человека и дезадаптацией суицидента к социальной среде. Основоположник социологической теории суицида Э. Дюркгейм определил самоубийство как «всякий случай смерти, который непосредственно или опосредованно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах» [9, с. 26]. В социологическом контексте, в отличие от патопсихологического, психологического, логотерапевтического и правового, первостепенное внимание уделяется факторам суицидального поведения, управление которыми позволяет снизить суицидальные риски не только и не столько отдельного человека, сколько социальных групп. Поэтому социологи сосредотачиваются на изучении суицидальных факторов и рисков, свойственных разновозрастным, гендерным, разностатусным, профессиональным, корпоративным, этническим и иным социальным группам, неоднозначно проявляющихся в ситуациях экономических кризисов, политической нестабильности и социальной напряженности.

Интересные сведения о феномене суицида накоплены историками, этнографами и этнологами. Например, в Японии на протяжении многих веков считалось позором дожить до немощной старости, поэтому старые родители просили своих детей унести их в горы. В Древней Греции старики устраивали по случаю своего ухода в иной мир грандиозный праздник, а потом, надев венок, выпивали чашу с цикутой. В последний путь вместе с царями отправлялись воины личной охраны, принимая смертельную дозу яда, они навеки оставались охранять своего правителя. Ритуальная традиция самовольного ухода из жизни вдов существовала у славянского, китайского, индийского народов. Во многих племенах Нигерии, Уганды, Кении, напротив, самоубийство однозначно считается злом и заслуживает наказания: дерево, на котором повесился несчастный, и его дом предаются очистительному огню, а родственникам запрещается подходить к трупу. Эти и многие другие исторические факты свидетельствуют о социальной,

экономической и культурологической обусловленности суицидального поведения, игнорируемой авторами вышеохарактеризованных концепций.

Особого внимания заслуживает доказанность тесной зависимости суицидального поведения людей от исповедуемой ими религии. В буддизме вера в реинкарнацию делает суицид бессмысленным исходя из разумных соображений, а не из страха перед богом. Толерантное отношение к суициду проявляется в даосизме, выдвигающем пассивность как принцип жизни, требующий от людей следовать Дао — естественному ходу вещей. Бинарная оценка суицида характерна и для ислама, где, согласно Корану, самоубийство признано тяжким грехом, но оправдывается суицид воинов Аллаха, павших на поле брани. Исповедующие иудаизм, верящие в то, что человек является партнером бога в продолжении его творения, считают, что самоубийство недопустимо, так как отвергает Божий суд и право на жизнь. Христиане считают самоубийство одним из тяжких грехов по той причине, что человек не может распоряжаться тем, что ему не принадлежит, — жизнью. Грехом самоубийство признается в любой религии, причем, как отмечал еще Ф. Аквинский в «Сумме теологий», тройным: против естественного закона, согласно которому в каждом живом существе заложен инстинкт самосохранения, против общественного закона церковной общины и против бога, право которого — давать или отбирать жизнь — никто не должен присваивать себе [10]. Э. Дюркгейм [9] доказал, что религиозная вера первостепенно значима в системе факторов, регулирующих суицидальное поведение людей.

В русле теологических учений сформировались философские концепции жизни и смерти, в рамках которых самоубийство признается серьезной философской проблемой. А. Камю в этой связи заметил: «Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, — значит ответить на фундаментальный вопрос философии, все остальное ... второстепенно» [11, с. 24]. Ответы на этот вопрос давались не просто вариативные, но и взаимоисключающие. По мнению Платона, человек обязан жить, и эта обязанность должна пересиливать желание умереть от собственной руки. Согласно Зенону, самоубийство допустимо, если жизнь теряет ценность и человек не может достичь счастья. Примечательно, что эта двойственность взглядов на самоубийство сохраняется на протяжении всей истории философии. Ф. Ницше отстаивал право человека на свою свободную смерть, ибо жить нужно так, чтобы в нужный момент иметь волю к смерти [12]. И. Кант не находил суициду никаких оправданий, так как человек должен жить согласно естественному закону продолжения жизни [13].

Анализ парадигм суицидологии приводит нас к следующим умозаключениям.

- Единой теории суицидального поведения нет, ее место занимают разрозненные концепции, построенные на основе разных и трудно согласующихся друг с другом парадигм. Часто используемый в последнее время термин «суицидология» фактически означает не единую отрасль знания, имеющую общую теорию, методологию и методику, а механический набор фрагментов теоретических и эмпирических знаний, полученных в рамках разнопредметных дисциплин. Понятие «суицид», вписанное в системы категорий разных наук, наполняется неоднозначным содержанием, а потому не может быть признано научно определенным.
- Среди охарактеризованных нами концепций суицидального поведения нет такой, которая обладает эвристичностью, достаточной для системного исследования этого феномена и разработки практических рекомендаций, нацеленных на минимизацию самоубийств.
- Искомая теория суицидального поведения, как нам думается, должна иметь не междисциплинарный, а мультидисциплинарный характер. Ее следует формулировать не путем суммирования каких-то идей исследователей суицидов, а трансдисциплинарно. Механическое соединение разноконцептуальных положений ведет не к познанию целостного феномена, а к накоплению фрагментарных описаний как существенных, так и несущественных свойств изучаемого явления, т. е. к редукционизму в теории. Методология научных исследований в условиях размывания традиционных границ дисциплин, познающих один и тот же объект, должна строиться на основе соответствующей синтагмы.
- Синтагма (греч. «вместе построенное») — категория науковедения, означающая специально созданную для решения насущных научных задач сложноцелостную, многокомпонентную, проблемно ориентированную, нестандартную и креативную систему знаний, определяющую направленность, методологию и методику исследований [14]. Это понятие близко категории «парадигма» (в куновском смысле), но не равнозначно ей. «Парадигма — это совокупность философских, общетеоретических и метатеоретических оснований науки» [15, с. 328], а синтагма — систематизированная и логически выверенная система знаний, полученных на базе разных парадигм.
- Синтагму исследований суицидального поведения нельзя придумать, но ее можно и должно эксплицировать, т. е. вывести из ранее полученных знаний о закономерностях суицидов. Разработка синтагмы суицидологии — новое дело, а потому не имеющее гарантий от ошибок. Поэтому

мы не можем претендовать на безупречность нижеизложенных положений.

- Начинать эту разработку следует с выявления положений ранее охарактеризованных концепций, которые инвариантны, не отрицают и не исключают, а взаимно дополняют друг друга, если можно так сказать, образуют «мозаичную картину». К числу идей, соответствующих вышеназванным критериям, следует отнести признание суицидального поведения: а) несчастным социальным феноменом; б) многопричинным явлением, имеющим комплекс как субъективных, так и объективных факторов зарождения и развития; в) процессом, проходящим фазы латентности, вызревания, развития реализации суицидальных намерений и постинцидентные стадии; г) формой крайне радикального реагирования на социальные антагонизмы и стрессы; д) предельно иррациональным способом ухода от реального решения внутриличностных и межличностных конфликтов; е) методом обострения социальных противоречий и напряженности; ж) явлением, как негативно (деструктивно), так и позитивно (конструктивно) значимым для всего общества и составляющих его социальных групп.

Заметим, что сформулированная нами синтагма не выражена ни в одной из ранее охарактеризованных концепций. Наши выводы, составляющие основу синтагмы исследований суицидального по-

ведения, — итог системного интегрирования теоретических положений, полученных на основе разных парадигм. Можно сказать и иначе: эти выводы составляют основу ныне отсутствующей парадигмы суицидологии, придающей ей должный научный статус. Сопоставительный анализ содержания концепций суицидального поведения обнаруживает тенденцию расширения проблемного поля суицидологии, переакцентировки внимания исследователей с узко понимаемых душевных качеств суицидентов (их психики) на их духовность. Если З. Фрейд относился к духовным качествам человека как к неврозам, то логотерапевты и социологи усматривают в них, точнее, в их дефиците и/или деформациях, первопричину суицидов. Предложенная синтагма, безусловно, нуждается в теоретической корректировке и эмпирической проверке. Однако уже в нынешнем несовершенном виде она открывает перспективы постановки и решения неудобных для суицидологов вопросов типа: «Почему во время войн и революций количество самоубийств падает, а в период благополучного развития общества устойчиво растет? Какие духовные характеристики россиян стимулируют, а какие минимизируют суициды? Есть ли оптимальные для общества показатели суицидального поведения и каковы они в современном российском обществе?». Надеемся, что сформулированные нами положения внесут свою лепту в определение проблемного поля суицидологии и ее научных атрибутов.

Библиографический список

1. Смертность российских подростков от самоубийств. — М., 2011.
2. Змановская Е. В. Девиантология: Психология отклоняющегося поведения. — М., 2003.
3. Фрейд З. Избранное : в 2 кн. — М., 1990. — Кн. 1.
4. Адлер А. Индивидуальная психология // История зарубежной психологии : тексты. — М., 1996.
5. Хорни К. Наши внутренние конфликты: Невроз и развитие личности // Собр. соч. : в 3 т. — М., 1997. — Т. 2.
6. Фром Э. Некрофилы и Адольф Гитлер // Вопросы философии. — 1991. — № 9.
7. Франкл В. Человек в поисках смысла. — М., 1990.
8. Военные уставы Петра Великого / под ред. Н. Л. Рубинштейна. — М., 1946.
9. Дюркгейм Э. Самоубийство. — СПб., 1998.
10. Аквинский Ф. Сумма теологий. — Киев, 2002.
11. Камю А. Бунтующий человек. — М., 1990.
12. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. — М., 1990.
13. Кант И. Основы метафизики нравственности : собр. соч. : в 4 т. — М., 1965. — Т. 4.
14. Ракилов А. И. Новой науке — новое науковедение (от парадигмы к синтагме) // Науковедческие исследования : сб. науч. трудов — М., 2003.
15. Социологический словарь. — М., 2008.